

Мовчан Павло

Павло Мовчан. «Круговорот». Стихи. Перевод с украинского. Издательство «Советский писатель». М. 1981.

ЦВЕТ ГЛУБИНЫ

Стекает соль прозрачности
с рисунка,
цвет глубины выходит...

П. МОВЧАН

ГАРМОНИЯ не состоялась. Нежная паутина, почудившаяся мне когда-то у Мовчана знаком поворота к умиротворенному пониманию, не стала символом его новой лирики. Тяжелой силой налилась «паутинка», струной натянулась, звенящей нитью сквозь качающееся мироздание: не удержать. Это и теперь лейтмотив: нить — строчка — игла — нить. Но если раньше безудержная энергия прошивала-пробивала мир навилет, прострачивала светом и звоном — теперь тяжело натянулась нить; весь мир на ней повис; тенью и тучей — на ниточке дождя, на ниточке песни: вот-вот оборвется, рассыплется...

Расползается снег
и чернеет —
болезнь белизны,
бахромится рубаша,
сечется,
ползла по швам,
вцепилась в нитку лизни,
и крученую нитку лизни,

меж губами игла, как глоток,
обжигая прошла...

Белизна — чернеет... Солнце очерчено тенью, застряло в пепле. Под золотом — сталь, под золотом — кровь. Прежний сверкающий красками мир Мовчана: ослепительные цвета, «рожева хвилья», «блакитный крок», «тыша вышнева» — все смялось под ветром, под ударом какого-то высшего вихря. Ищу, откуда смятенье, откуда

пала тень на солнечный мир. Кое-где в новых стихах Мовчана мелькают определения: «Житейская проза». «Быстротечность будней». Главное зло — суета и мельтешня повседневности. Один раз Мовчан уточняет: «ледяной, угрюмый город». Другой раз антипод является у него в образе чистоты, противостоящего земле и труженику: это «измеритель» чужого «труда», человек «с жидкими мышцами» и «заемным словом». По этим разрозненным точкам можно бы дорисовать и патриархальную программу, если бы в поэзии Павла Мовчана она действительно была проведена последовательно; тогда я бы, конечно, почувствовал себя среди ее противников, и если они, «измерители» (это бухгалтеры, наверное? а может быть, инженеры-программисты? или городские поэты, издаലെка наблюдающие труд землепашца?), — если все они вот так, чохом, будут взяты на мушку, — мое место среди них, разумеется... Но, к счастью, в выпадах Мовчана нет последовательности, и его

инвективы в адрес внешних противников носят эфемерный характер. Внешние оппоненты ему, в сущности, не нужны.

Глубокая истина его новых стихов заключается в том, что ощущение трагизма возникает не извне, а изнутри того самого — цельного, красочного, яркого, природного мира, который Мовчан писал столь увлеченно. Именно тот, многоцветный, просторный, полный страстей, простроченный топотом, сине-зелено-золотой сверкающий мир в себе самом обнаружил тайну и тревогу. Тревога неотчетлива, потому Мовчан и определяет ее источник чисто метафорически: ветер, вихрь. Однажды он говорит: верховный шум. Может быть, поэзии повредила бы излишняя определенность: ее предмет — тайна. Но путь к разгадке — путь самопознания. Предчувствовался строй и смысл в многопестром мире, купола хотелось над кипением жизни... Теперь купол есть, но из-под купола веет грозой. Строй, космос, логос ощутились в природной магии, — но это логос горечи. Когда-то мир был прочен круговоротом — теперь разорвался круг, раскрутилась спираль, ушла концом в бездну... Так что название сборника — «Круговорот» — несколько устарело для Мовчана, он видит мир уже не в круговом природном возобновлении, а в однократности и неповторимости личностного бытия, и отсюда горечь — горечь об уходящем: не возвратишь...

Не возвратишь ушедшего дня, не возвратишь пращура, не возвратишь древнего слова. Как собрать мир, как стянуть сплотившиеся расходящиеся концы

— какой ценой, когда рвется по живому?...

...Разгулялась
по тканям игла —
да и как полоснет.
То все стеблем да гладью
и вдруг по груди-то —
крестом.
Расползается плоть,
уж не держит ее полотно,
размокает основа,
расходятся связи.

Потом
разорвутся слова,
растегнутся мгновенья;
тотчас

истончатся
волокна терпенья
и лопнут; а там
вмиг потянется трещина
и зазмеится с плеча;
и одежда — к ногам,
и — блесит нагота...

Перевод Е. Сергеева, который я цитирую, объективно, по качеству русского стиха — лучший в книге. Хотя он и неадекватен стиховой интонации Мовчана. Пронизывающие строку свозные «консонансы», подхватывающие звукописи, вообще голосовой нажим, с помощью которого Е. Сергеев собирает ткань стиха в мускулы, — все это великолепно действует на мое русское ухо, но Мовчан, насколько я чувствую, несколько иной. Он импульсивен, неистов, непредсказуем, но той нервной «задышки», которую виртуозно показывает в стихе Сергеев, у него нет. Мовчан удивительно здоров духом, и не просто передать в русском стихе владеющие им тревожные предчувствия. Потому-то и мучаются переводчики, и запарываются там и сям в косноязычие, когда пытаются записать возбужденный пульс этого стиха. Ни А. Кушнер с его акварельным словесным кружевом, ни Ю. Рышленцев с его пастернаковскими снаками красок (беру сильнейших) не передают точно того, что называется стиховым дыханием оригинала. Оно и не передаваемо. Говорят, С. Гандлевский интонационно приблизился к Мовчану. Знаючи украинского стиха указывали мне «абсолютные попадания»... Не знаю. Не действует! Не ИНТОНАЦИЕЙ работают переводы: в украинском и русском стиховом поле действуют разные варианты магне-

тизма — то, что сильно там, слабо тут, и наоборот. Значит, в русском переводе надо искать не адекват, а компенсацию, и Евгений Сергеев прав, когда форсирует в голосе Мовчана те струны, которые до русского уха способны донести... что? Ткань? Ткань неперевода. Дух! Дух донести! Дух той драмы, которая сотрясает поэта. То самое, за чем я и слежу, как читатель, беря стихи Мовчана, — раздумье человека, который согласен принять мироздание только в его единстве, только в сплочении веков, только в кровном родстве с пращурами, а пращуры во прахе, а века нанули, и вихрем разметает степи, едва сметанные... Цитирую на «мове», чтобы дать почувствовать вкус слова: «Метровою голкою шлях позшивали, що весь разволікся...». Само слово в опасности, дрожит речь от перенапряжения, расщепляется звук, пресекается голос, но и в горечи молчания есть упрямая сила духа, в самом характере есть, если так докпывается до тайны, сдвигая слова, ища в них «наготы», ухватывая «корень», удерживая «вечное» и зная: не удержать...

...Все вернулось к началу,
напрасно мотал ты клубок.
В наготу
ты приходишь на свет
и отходишь на смерть.
На игольном огне
истлевает ночной мотылек,
и пыльца, оголяя крыло,
опадает на снег.

Павло Мовчан — поэт, отнюдь не сконцентрированный только на состояниях своей души; просто я концентрирую на этом внимание. Широкий круг историко-культурных интере-

сов, жгучая задетость острейшими проблемами украинской истории, ревность к векам — все это видно из книги «Круговорот». Еще более Мовчан как историк (старинное слово «историософ» больше бы подошло к данному случаю) выявился в запальчивых статьях, знакомых читателю по периодике: в страстной защите праукраинского, прославляянского слова как ядра и истока, в котором концентрируется для Мовчана духовный стержень жизни, фатально упускаемый нами (как он уверен) в повседневной текучке. Здесь о многом я мог бы поспорить с Мовчаном как с публицистом... Но сейчас перед нами — поэт. Публицист может ошибаться в рациональном осмыслении источников тревоги, но в факте тревоги поэт ошибиться не может; в этом поэты не ошибаются, а именно в этом — в ощущении бытийной тревоги, включающей благодать, — Мовчан мне интересен и близок.

Первоначальный, сверкавший красками, игравший силой, солнечный мир распался. «...Проступает жизнь иная, как с таинственного дна». Как это гонимый на Сечи: не тот заказ, что на коне, а тот, что под конем? Ну, так это и есть настоящий духовный «досвід».

Л. АННИНСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. МОСКВА

28 ОКТ 1981